

УДК 141.12–7
ББК Ш 811.161.1'271

Татьяна Геннадьевна Рабенко,
кандидат филологических наук,
Кемеровский государственный университет
(Кемерово, Россия), e-mail: tat.rabenko@yandex.ru

Извинение: речевые тактики жанра и средства их языковой реализации

Данная работа выполнена в русле актуального жанроведческого направления, обусловленного антропоцентричностью современной лингвистической науки. Этикетный жанр извинения, заявленный в качестве объекта исследования, предстает как особая модель речевого высказывания, структурируемая определенным комплексом жанрообразующих признаков. Одним из таковых является коммуникативная цель жанра и реализующие её речевые тактики. Настоящая работа обобщает данные ранее проведенных в этом направлении исследований и несколько расширяет существующие представления о специфике основных речеповеденческих тактик обозначенного жанра, которые, комбинируясь, используются для достижения стратегического перлокутивного эффекта. В данной работе демонстрируются языковые (лексические, грамматические) средства реализации выявленных тактик. Выясняется, что коммуникативные намерения извинения отражаются в языке и закрепляются в нём как коммуникативные стереотипы, которые варьируются в зависимости от характера отношений между коммуникантами, серьёзности события, лежащего в основе ситуации извинения и др. В работе также рассматриваются невербальные (жестовые, мимические) средства воплощения извинения. В качестве основополагающего вывода работы расценивается утверждение, что жанр извинения является определённым сценарием, за которым закрепляется стандартный набор речевых тактик и реализующих их языковых средств.

Ключевые слова: речевой этикет, речевой жанр, извинение, речевая тактика, ритуальное высказывание.

Tatyana Gennadevna Rabenko,
Candidate of Philology,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia),
e-mail: tat.rabenko@yandex.ru

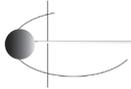
Apology: Speech Genre Tactics and their Means of Language Implementation

The article is written in the course of an urgent genre school due to anthropocentricity of modern linguistic science. The genre etiquette apology declared in the capacity of a study object appears as a special model of the speech utterance, structured with defined genre-forming attribute complex. There is a communicative genre purpose and verbal tactics realizing it. This article summarizes the data of previous research examination in this field, and extends several existing ideas about the main speech-behavioral tactics of designated genre which are used being combined to achieve strategic perlocutionary effect. The linguistic (lexical, grammar) revealed means of identified tactics are shown in this paper. It turns out that communicative apology intentions are reflected in the language and fixed as communication patterns, which vary depending on the nature of relationship between communicants, actual seriousness, underlying the basis of apology situation, etc. Non-verbal (gestural, mimic) apology embodiment means are also discussed in the article. Apology is a certain script, which is fixed as a standard verbal tactics set and their linguistic implementing resources, is considered as a fundamental conclusion of the paper.

Keywords: speech etiquette, speech genre, apology, speech tactics, stereotyped statement.

Отмеченная антропоцентрической направленностью, современная лингвистическая наука помещает в центр исследовательского внимания проблему «язык и личность», в решении которой приоритетным становится пристальный интерес к продуктам речевой деятельности говорящего субъекта – рече-

вым произведениям, как правило, жанрово оформленным. Активно развивающееся в связи с этим жанроведческое направление, основанное на выделении речевого жанра (в дальнейшем РЖ) в качестве базовой единицы речи, обозначило ряд возможных аспектов исследования речежанровой организации. В

рамках основных походов к проблеме РЖ [18, с. 88] данное исследование располагается в лоне речеведческого подхода, у истоков которого находится теория РЖ М. М. Бахтина [4]. Основанный на определении РЖ как феномена речи, обозначенный аспект представляет РЖ как особую модель речевого высказывания, описание которой сводится к исчислению моделей и изучению их воплощения в различных ситуациях. Создание модели РЖ, являясь основополагающим моментом данного подхода, подразумевает в свою очередь установление комплекса жанрообразующих признаков, необходимых и достаточных для опознания, характеристики и конструирования РЖ.

В системе разнообразных жанровых форм, обслуживающих область речевого этикета, особо выделяется РЖ извинение, неоднократно становившийся объектом научных разысканий: лексикографического [3], культурно-сопоставительного [10], когнитивного [13; 14], коммуникативно-прагматического [11], а также связанного с вопросами речевой культуры [8; 12]. Целью данной статьи является описание основных речевых тактик, сопряженных с РЖ извинение, и выделение языковых (вербальных/ невербальных) средств их реализации. В качестве фактологической базы исследования выступают материалы указанного РЖ, извлеченные из произведений отечественной художественной литературы преимущественно XIX–XX вв. (всего около 300 контекстов).

Известно, что языковая жизнь общества во многом определяется социо-стилистическим феноменом, называемым речевым поведением («речевые поступки индивидуумов в предполагаемых обстоятельствах» [7, с. 6–7]), которое среди прочих функциональных вариантов имеет фатический, связанный со стремлением человека вступить в общение. В жанровом пространстве фатического общения располагается этикетная коммуникация. Общая ситуативно-целевая задача речевого этикета – говорить, чтобы высказаться и встретить понимание, опознать себя как достойного члена данного социума. Предписывая обществу некую систему устойчивых речевых формул общения с целью установления речевого контакта, речевой этикет включает в себя определённые «национально-специфические правила речевого поведения, применяемые в ситуации вступления собеседников в контакт и поддержания общения в избранной тональности соответственно обстановке общения» [13, с. 5]. Эти-

кетное поведение, будучи ритуализованным по своей природе, включает в себя ритуальные сценарии общественного поведения или иначе правила оформления высказываний, облаченных в некую жанровую форму. Связанное с описанием ритуала как этнокультурного феномена исследование этикетного поведения позволяет представить реализующие его РЖ в качестве экспликации определённого вида речевого действия, которое регулирует коммуникативные взаимоотношения и даёт возможность правильно интерпретировать поведение других людей [9, с. 101].

Высказывания-извинения входят в класс ритуальных высказываний, объединённых общей коммуникативной целью – регуляция межличностных отношений: адресат негативно оценивает поведение говорящего и предполагает, что другой участник ситуации ответственен за его отрицательное состояние. Согласно этикету, говорящий, став (волью или неволью) инициатором негативного действия, должен извиниться.

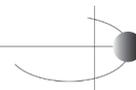
Традиционно лексическими маркерами РЖ извинение являются перформативные глаголы *извини/те*, *прости/те*. Каково семантическое наполнение данных единиц и каков характер их соотношения? В «Большом толковом словаре русского языка» [5] данные лексемы толкуются следующим образом: *извиниться* – 1. Попросить извинения, прощения. 2. устар. Привести что-л. в качестве смягчающего вину обстоятельства, в качестве оправдания. Разг. (обычно в вопросе) Вежливая форма обращения к кому-л. [5, с. 378].

Глагол *извинить*, будучи восточнославянским по своему происхождению, фиксируется в памятниках XII в. в значении «провиниться». В современном значении «быть оправданным» отмечается с XIII в. Данный глагол образован от глагола *винити* – «обвинять» с помощью преф. *из-* [17, с. 170].

Лексема *прости/те* I. Повел. к Простить (1.П.). II.1. в зн. межд. Выражает сожаление по поводу причиняемого беспокойства, неудобства, огорчения и т. п.

См. 1. *Простить* 1. Не поставить чего-л. в вину кому-л.; извинить, проявив снисходительность [5, с. 1027].

Общеславянское слово *простить* образовано с помощью суф. *-ити* от *простъ* (совр. *простой*) в значении «свободный», которое в древнерусском языке ещё у этого слова имелось. Буквально значит «освободить (от долгов, грехов и т. п.)» [17, с. 370].

Р. Ратмайр [10] ранжирует формулы извинения по степени вины – прежде всего, с учётом их лексического наполнения – на выражающие её в меньшей (*извини/те*) и большей (*прости/те*) степени. Лексема *извини/те* выражает просьбу учесть оправдательные причины и не считать адресанта особенно виноватым, в этом реализуется доминирующая коммуникативная функция подобного выражения. Лексема *прости/те*, в свою очередь, выражает просьбу не сердиться на адресанта, несмотря на его вину. Учитывая неоднозначное соотношение лексем *извини/те* и *прости/те*, Л. Н. Чинова [16] выделяет два самостоятельных РЖ в зависимости от характера осознанности коммуникантом совершенного им проступка: принесение извинения и просьба о прощении. Развивая данную идею, А. Ю. Чернышёва [15] полагает, что извинения типа «Извините, я опоздал» – это индикатор вежливости, который и считается собственно этикетным РЖ. Просьба о прощении, будучи неоднородной, дифференцируется в зависимости от коммуникативной функции на светскую, относящуюся к области речевого этикета, и религиозную, ассоциирующуюся с понятием греха и сопряжённую, в связи с этим, с религиозным покаянием – исповедью. Предложенная дифференциация представляется нам вполне оправданной, в настоящей работе рассматривается РЖ извинения, реализуемый в светском общении.

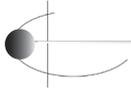
Спектр языковых возможностей этой жанровой формы обуславливается её спецификой как перформативного высказывания и ситуацией, в которой реализуется исследуемая этикетная форма. В жанровом сознании носителей русского языка данный РЖ воплощается с помощью стандартных формул. Известно, что речевой этикет лежит в зоне высказываний-действий, поэтому языковая форма, в которой может выражаться идея речи, равная действию, реализуется в высказывании на основе соответствующего глагола речи-действия в форме 1-лица, настоящего времени, изъявительного наклонения, действительного залога типа: *Извини(-те)! Прости(-те)!* Тем не менее, в этой же ситуации общения используется высказывание, в котором нет грамматической формы лица, времени, наклонения, но сказанное все равно есть действие. К примеру, использование в этой функции краткого прилагательного: *Виноват!* либо стереотипов с глаголом *хочу*: *Хочу (я хочу, хотел бы) извиниться перед Вами (за...); Хочу (я хочу, хотел бы)*

повиниться перед Вами (за...); Хочу (я хочу, хотел бы) принести Вам свои извинения. Такие высказывания содержат мысль не о желании совершить действие, а выполняют функцию самого действия, то есть речь, равная действию в момент говорения. В подобной роли выступает и форма повелительного наклонения: *Извините! Простите!*, которое выражает реальное речевое действие в момент речи [12, с. 67–68].

Данный ритуал в зависимости от мотива человеческого поведения исполняется в модальном ключе «я должен» – «я хочу». Долженствование ритуала обуславливается его речевой заданностью, желательность связывается с созданием благоприятной обстановки общения: ср. *Должен (я должен) извиниться перед Вами; Должен (я должен) повиниться перед Вами; Должен (я должен) попросить у Вас извинения (прощения) (за...); Должен (я должен) принести Вам свои извинения и Хочу (я хочу, хотел бы) извиниться перед Вами (за...) и под.*

В итоге, привычное для каждого человека речевое действие имеет в своей основе побудительный мотив, с коим тесным образом связана цель – при включении в доброжелательный контакт выбрать регистр общения, наиболее оптимальный в данном случае для разговора с данным собеседником в данной обстановке: ср. – *Ты уж извини, дружок ... (Железников В. Чучело); «Ещё раз прошу прощения, что беспокоил Вас длинным, ненужным письмом» (Куприн А. Гранатовый браслет); – Пожалуйста, примите мои извинения за то, что я обращаюсь к вам, не будучи представленным (Даниэль Ю. Воспоминания); – Пардон, господа, вынужден отлучиться... (Васильев Б. Дом, который построил Дед); – Простите, матушка... встать-то не смогу никак... не взыщите... сударыня... (Григоревич Д. Бобыль); – Тысячу извинений, что, не будучи вам представлен, я прервал уединение ваше и осмелился заговорить (Катаев В. Железное кольцо); – Я думал, это Москва, – виновато оправдывался Лукашин. – Простите, ради Бога (Рязанов Э., Брагинский Э. Ирония судьбы, или С легким паром).*

Желая сгладить свою вину, говорящий выбирает речеповеденческую тактику – единую по цели и воплощению линию своего поведения, направленную на достижение стратегического перлокутивного эффекта [6, с. 95]. Такая линия поведения предполагает наличие ряда поведенческих (в том числе речевых) усилий

(шагов) коммуниканта, сумма которых при благоприятных обстоятельствах приводит к успеху – изменению во взглядах и эмоциональном состоянии адресата. Испытывая сожаление о содеянном, говорящий может ссылаться на:

1) ненамеренность своей вины [2, с. 40]. Эта тактика реализуется посредством глаголов *хотеть*, *желать* в сочетании с отрицанием «не»: –

Извините, вашество, я вас обрызгал ... я нечаянно... Ради бога, извините. Я ведь...я не желал!... я чихнул-с и ... нечаянно обрызгал... Не нарочно, сами изволите знать-с! (Чехов А. Смерть чиновника).

Ненамеренность совершенного проступка маркируется единицами *нечаянно*, *не нарочно*, *не специально*, *случайно* и т. п.: – *Честное слово, я не нарочно подслушивала! — с отчаянием сказала она (Рыбаков В. Вода и кораблики).*

2) смягчающее вину обстоятельство, некую уважительную, на взгляд провинившегося, причину, основательную для оправдания. Это причина может быть субъективного: неудовлетворительное состояние здоровья, неопытность, особенности характера и т. п.: – *...голубчик, я иногда на вас ору на операциях. Уж простите стариковскую вспыльчивость. В сущности, я ведь так одинок... (Булгаков М. Собачье сердце)* или объективного характера: неотложные дела (отсюда стереотипные высказывания типа: *Работа! Дела! Служба!* и т. п.), нехватка времени, ранее непредусмотренные обстоятельства и т. п.: – *Извини, я очень виноват! Но мне срочно надо было заняться одним важным делом (Баконина М. Девять граммов пластика).*

В роли смягчающего обстоятельства возможно указание на случайность произошедшего, произвольность ошибки: – *Извините, ошибочка вышла, – пробормотал он еле слышно (Курбатов М. Дороги наши)* либо её типизированность: – *Ты уж извини, ошибка вышла, да и кто не ошибается (Сечин Б. Игра).*

3) другое лицо в качестве виновника сложившейся ситуации: – *Уж извините нас, – принялся оправдываться Слава, – сами бы никогда не пришли, Дарья Ивановна устроила переполох! (Донцова Д. Полёт над гнездом индюшки)*, возможно, и на самого адресата: – *Да отстань ты, сам виноват, нечего с большой головы на здо-*

ровую валить (Венгеров И. Река-реченька) (см. «Валить (сваливать) с большой головы на здоровую» – Перекладывать вину на невиновного [5, с. 90]).

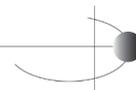
Порой вина возлагается на вмешательство нечистой силы. Как следствие наличие в высказываниях-извинениях оправданий типа: *Бес (меня) попутал, Враг (меня) попутал, Грех попутал, Лукавый попутал, Нечистый попутал* (хотя в настоящее время подобные высказывания уже лишены того магического смысла, которым они обладали ранее)

4) последующее исправление провинившегося. Эта тактика реализуется посредством словоформы *исправлюсь* (*Виноват, исправлюсь*), а также оправдательных высказываний типа (*Я*) *больше не буду; Не буду больше; Больше не повторится* (См. «Больше не буду» – Обещание впредь не повторять каких-либо поступков, слов и т. п. [5, с. 698]): – *Виноват, Егоровна, ... ладно, больше не буду (Пушкин А. Дубровский).*

5) полное признание своей вины без использования каких-либо оправданий. Маркер данной тактики – краткое прилагательное *виноват* (реже *Грешен*), а также включающие его конструкции *Виноват так виноват; Кругом виноват*: – *Я сам знаю, что очень виноват, – прошептал Желтков, глядя вниз, на пол, и краснея (Куприн А. Гранатовый браслет).*

При этом может следовать указание на чувство большой неловкости, стыда, раскаяния (*Каюсь!*) и т. п.: *Мне (так, очень) неловко, неудобно, совестно, стыдно*: – *Я очень виноват перед тобой, и эта мысль – самая тяжёлая... (Каверин В. Два капитана)*; – *Как я должна быть виновата, если мне так стыдно, больно! (Гончаров И. Обломов).* См. также фразеологизм «Готов, рад сквозь землю провалиться» – О чувстве большой неловкости, стыда [5, с. 363]: *Аня дёргала мужа за рукав и говорила, что готова провалиться сквозь землю, так ей стыдно перед людьми (Львов А. Двор).*

Для подтверждения искреннего раскаяния в содеянном говорящий порой использует приём самоуничтожения: – *...родной мой, простите и не сердитесь. Конечно, я виноват перед вами. Я – свинья (Левин Б. Голубые конверты)*; – *Полноте... не плачьте... простите меня дуру... я виновата... уж вы меня простите (Толстой Л. Детство)*; – *Кирюша, прости меня, я негодяй, скотина... (Грекова И. Перелом).*

б) лучшие человеческие качества (великодушные, милосердие и т. п.) адресата, которые позволят последнему простить провинившегося (своего рода коммуникативная провокация). Говорящий стремится разжалобить адресата посредством стереотипных высказываний: *Будь(-те) снисходительны (великодушны); Не обижайтесь на меня; Не суди(те) строго; Не сердитесь (-ся); Не помни(-те) зла; Не держи(те) на меня зла; Не досадуй(-те) на меня; Не взыщи(те); Не будьте в претензии* и т. п.: –

... вы, вероятно, **великодушно извините** меня... я не знаю, к кому обратиться здесь... мои обстоятельства, – я надеюсь, что вы извините мою дерзость, – мне даже показалось, что вы, **движимые состраданием, принимали во мне сегодня утром участие** (Достоевский Ф. Двойник) (примечательна в этом смысле поговорка: *Покройте нашу глупость своею лаской-милостью*).

Движимый стремлением повлиять на реакцию адресата, провинившийся для выражения усиленной просьбы о прощении использует интенсификаторы: *Ради Бога, Бога ради, Ради Христа, За-ради Бога, Ради всего святого*, то есть, пожалуйста [5, с. 1056]: – *Лизавета Александровна, простите меня! Умоляю вас, простите, ради Бога... Вы чисты, вы святы!* (Потехин А. Вакантное место). См. также **Великодушно (душевно, искренне)** извиняюсь, **Примите мои глубокие (искренние)** извинения.

7) возможные изменения в поведении/ жизни провинившегося в случае непощения (вероятно, и как коммуникативное давление): – *Прости... если ты не простишь, я не знаю, что я с собой сделаю!* (Безладнова И. Такая женщина); – *Если ты меня не простишь, я повешусь либо брошусь в Неву...* (Вересаев В. Два конца); – *Я не встану, Вера, пока ты не простишь меня* (Тургенев И. Месяц в деревне).

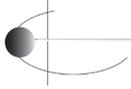
Обозначенные речеповеденческие тактики зачастую комбинируются между собой в рамках одной коммуникативной ситуации в целях достижения эффективного перлокутивного эффекта.

Языковые средства реализации извинения тесно связаны с невербальными семиотическими элементами, а потому моделирование ситуации извинения невозможно без описания последних. Не специализируясь в большинстве своём на реализации той или

иной тактики, невербальные элементы используются наряду с вербальными, усиливая их эффективность [см.: 1]:

а) жестовые: ползать в ногах у кого-то (на коленях перед кем-то); становиться (опускаться, падать, бросаться) на колени; бросаться в ноги кому (к ногам чьим); складывать руки в мольбе; прижимать (прикладывать, приложить) руку(-и), кулак(-ки), груди (к сердцу); положить руку на грудь; втягивать голову в плечи; переминаясь, переступить с ноги на ногу; топтаться на одном месте; обнимать; кланяться: *Заместительница примчалась ко мне и, упав на колени, принялась биться головой об пол и кричать: – Прости, прости, бес попутал, все из-за Валерочки!* (Донцова Д. Привидение в кроссовках); ... *Генка умоляюще прижал руки к груди. – Я не нарочно, я не... это...* (Шукшин В. Гена Пройдисвет); *Стас ...пробормотал: «Ой, сорвалось, я нечаянно», – и втянул голову в плечи, словно ожидал удара* (Леонов Н., Макеев А. Эхо дефолта); – *Я готов извиниться перед вами, Николай Артемьевич, – проговорил он с учтивым полупоклоном, – если я вас точно чем-нибудь обидел* (Тургенев И. Накануне);

б) мимические (взгляд, в частности, боязнь встретиться взглядом с адресатом): не поднимать глаз, не смотреть на кого (в глаза кому), смотреть в пол (См. поговорку *Вина голову клонит*): *Сувенир виновато смотрел в пол и ничего не возражал* (Богданов А. Сувенирчик); *Он не поднимал глаз на людей, ему, видно, было стыдно* (Аксенов В. Пора, мой друг, пора); изменение цвета лица (покраснение) как свидетельство особого эмоционального состояния провинившегося: *И опять Григорий почувствовал, как, помимо воли, кривит его губы улыбка, виноватая и просящая, и он покраснел от стыда за своё невольное, не подвластное разуму проявление слабости* (Шолохов М. Тихий Дон); слёзы как знак искреннего раскаяния, угрызений совести: – *Прости меня, Боря, – прошептала она со слезами на глазах* (Берсенева С. Возраст любви); *Она плакала, спрятав в руки лицо, и шептала, будто даже не обращаясь ко мне: – Прости, ради Бога прошу...* (Кабаков А. Путешествие экстраполятора); молчание: *Слёзы подступили у меня к глазам и готовы были брызнуть, но я сдержался, я не знал, что сказать и рад был провалиться сквозь землю от стыда*

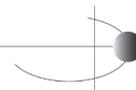
(Зуров Л. Иван-да-марья) (См. поговорку: У правого уши смеются, а у виноватого язык уныл).

Таким образом, РЖ извинение и сопряженная с ним коммуникативная ситуация представляет собой определённый сценарий, за которым закрепляется стандартный набор речевых тактик, то есть речевых действий, оптимальных для достижения коммуникативной цели. Выбор тактики зависит от характера отношений между участниками коммуникации

(официальный, неофициальный), ситуации, в которой происходит общение, серьёзности события, послужившего причиной негативной реакции адресата и др. Извинение, являясь элементом общего сложного механизма этического общения, располагает значительным арсеналом языковых (вербальных/ невербальных) средств реализации, важно лишь выбрать наиболее уместное, приемлемое выражение из того множества форм, которым обладает наш язык.

Список литературы

1. Акишина А. А., Кано Х., Акишина Т. Е. Жесты и мимика в русской речи : лингвострановедческий словарь. М. : Красанд, 2010. 152 с.
2. Артамонова Е. В. Речеповеденческие тактики речевого жанра «принесение извинения» // В. А. Богородицкий: научное наследие и современное языковедение : труды и материалы Международ. науч. конференции. Казань : Изд-во Казанского гос. ун-та им. В. И. Ульянова-Ленина, 2007. Т. 1. С. 40–42.
3. Балакай А. Г. Словарь русского речевого этикета. М. : АСТ, 2007. С. 626–629.
4. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 159–257.
5. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб : Норинт, 2001. 1536 с.
6. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Речеповеденческие исследования притчи Пушкина о блудной дочери // Вопросы языкознания. 2000. № 2. С. 90–117.
7. Винокур Т. Г. Информативная и фатическая речь как обнаружение разных намерений говорящего и слушающего / Т. Г. Винокур [и др.]. // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М. : Наука, 1993. С. 5–29.
8. Колесов В. В. «Извиняюсь!» // Колесов В. В. «Как наше слово отзовется...». СПб. : Дорофеев С. В., 2010. С. 150–153.
9. Колтунова М. В. Конвенция как прагматический фактор диалогического общения // Вопросы языкознания. 2004. № 6. С. 100–115.
10. Ратмайр Р. Функциональные и культурно-сопоставительные аспекты прагматических клише // Вопросы языкознания. 1997. № 1. С. 15–22.
11. Тарасенко Т. В. Этикетные жанры русской речи: благодарность, извинение, поздравление, соболезнование : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 1999. 19 с.
12. Формановская Н. И. Речевой этикет и культура общения. М. : Высшая школа, 1989. 159 с.
13. Формановская Н. И. Когнитивные и прагматические аспекты единиц общения. М. : ИКАР, 1998. 114 с.
14. Формановская Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М. : ИКАР, 2007. С. 436–451.
15. Чернышёва А. Ю. Коммуникативные функции и речеповеденческие тактики просьбы о прощении. URL : <http://kds.eparhia.ru/bibliot/konfer2/lingvistika/sernuseva/> (дата обращения : 14.01.12).
16. Чинова Л. Н. Просьба о прощении и принесение извинения // Жанры речи. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1999. С. 278–281.
17. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М. : Просвещение, 1971. С. 170, 370.
18. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1997. С. 88–100.

Spisok literatury

1. Akishina A. A., Kano H., Akishina T. E. Zhesty i mimika v russoj rechi : lingvostranovedcheskij slovar'. M. : Krasand, 2010. 152 s.
2. Artamonova E. V. Rečepovedencheskie taktiki rečevogo zhanra «prinesenie izvinenija» // V. A. Bogorodickij: nauchnoe nasledie i sovremennoe jazykovedenie : trudy i materialy Mezhdunarod. nauch. konferencii. Kazan' : Izd-vo Kazanskogo gos. un-ta im. V. I. Ul'janova-Lenina, 2007. T. 1. S. 40–42.
3. Balakaj A. G. Slovar' russkogo rečevogo jetiketa. M. : AST, 2007. S. 626–629.
4. Bahtin M. M. Problema rečevykh zhanrov // Bahtin M. M. Jestetika slovesnogo tvorčestva. M., 1979. S. 159–257.
5. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka / gl. red. S. A. Kuznecov. SPb : Norint, 2001. 1536 s.
6. Verewagin E. M., Kostomarov V. G. Rečepovedencheskie issledovanija pritchi Pushkina o bludnoj dočeri // Voprosy jazykoznanija. 2000. № 2. S. 90–117.
7. Vinokur T. G. Informativnaja i fatičeskaja reč' kak obnaruzhenie raznykh namerenij govo-rjavogo i slushajuwego / T. G. Vinokur [i dr.]. // Russkij jazyk v ego funkcionirovanii. Kommunika-tivno-pragmatičeskij aspekt. M. : Nauka, 1993. S. 5–29.
8. Kolesov V. V. «Izvinjajus'!» // Kolesov V. V. «Kak nashe slovo otzovetsja...». SPb. : Dorofeev S. V., 2010. S. 150–153.
9. Koltunova M. V. Konvencija kak pragmatičeskij faktor dialogičeskogo obwenija // Voprosy jazykoznanija. 2004. № 6. S. 100–115.
10. Ratmajr R. Funkcional'nye i kul'turno-sopostavitel'nye aspekty pragmatičeskikh klishe // Voprosy jazykoznanija. 1997. № 1. S. 15–22.
11. Tarasenko T. V. Jetiketnye zhanry russoj rechi: blagodarnost', izvinenie, pozdravlenie, soboleznovanie : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Krasnojarsk, 1999. 19 s.
12. Formanovskaja N. I. Rečevoj jetiket i kul'tura obwenija. M. : Vysshaja škola, 1989. 159 s.
13. Formanovskaja N. I. Kognitivnye i pragmatičeskie aspekty edinic obwenija. M. : IKAR, 1998. 114 s.
14. Formanovskaja N. I. Rečevoe vzaimodejstvie: komunikacija i pragmatika. M. : IKAR, 2007. S. 436–451.
15. Chernyšjova A. Ju. Kommunikativnye funkcii i rečepovedencheskie taktiki pros'by o prowenii. URL : <http://kds.eparhia.ru/bibliot/konfer2/lingvistika/sernuseva/> (data obrashčhenija : 14.01.12).
16. Chinova L. N. Pros'ba o prowenii i prinesenie izvinenija // Zhanry rechi. Saratov : Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1999. S. 278–281.
17. Shanskij N. M., Ivanov V. V., Shanskaja T. V. Kratkij jetimologičeskij slovar' russkogo jazyka. M. : Prosvevlenie, 1971. S. 170, 370.
18. Shmeleva T. V. Model' rečevogo zhanra // Zhanry rechi. Saratov : Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1997. S. 88–100.

Статья поступила в редакцию 27 февраля 2012 г.